

Научная статья

УДК 340

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.19.5

Касимов Тимур Салаватович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

timursk@rambler.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ИНКЛЮЗИВНЫМИ И ЭКСТРАКТИВНЫМИ ИНСТИТУТАМИ¹

Аннотация. В статье описана эволюция форм государства стран евразийского пространства. Показано, что в своей истории они имели множество форм правления: номы, полисы, разные виды монархий и республик (от рабовладельческих до современных). До XX в. преобладали две формы государственного устройства: унитарные и империя. С использованием методов исторического анализа и индукции рассмотрена природа империи и некоторые учения о ней, сделан вывод о том, что в последние годы российские государствоведы предлагают новые теории империи, не привязывая ее к монархической форме правления и смешивая ее характеристики с федерализмом. В то же время федерация и подобное ей регионалистское государство должно быть предпочтительной формой устройства для крупных и многонациональных государств. Примеры использования в разных государствах инклюзивных и экстрактивных институтов доказывают, что демократия – условие высокого уровня жизни граждан и эффективности государства.

Ключевые слова: империи, инклюзивные институты, монархия, федерация, форма государства, экстрактивные институты

Для цитирования: Касимов Т.С. Исторические формы государства и их соотношение с инклюзивными и экстрактивными институтами / Т.С. Касимов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.19.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 44–60.

© Касимов Т.С., 2023

¹ Статья написана на основе материалов, подготовленных для выступления на Международном научном круглом столе «Политико-правовые и социокультурные основы интеграционного развития государств Евразийского пространства: история и современность» (Казань, 2023).

Original article

Kasimov Timur Salavatovich

University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
timursk@rambler.ru

HISTORICAL FORMS OF THE STATE AND THEIR CORRELATION WITH INCLUSIVE AND EXTRACTIVE INSTITUTIONS

Abstract. The subject of the article is the evolution of the Eurasian space's countries state forms. It is shown that in their history they had many forms of government: noma, policies, different types of monarchies and republics (from slave-owning to modern). Using methods of historical analysis and induction the nature of empire and some teachings about it is considered, a conclusion is made that in recent years Russian state experts propose new theories of empire, without tying it to a monarchical form of government and mixing its characteristics with federalism. However, according to the article's author opinion, federation and a regionalist state should be the preferred form of organization for large and multinational states. Examples of inclusive and extractive institutions' use in different states prove that democracy is a condition for a high standard of living of citizens and the effectiveness of the state.

Keywords: empires, inclusive, monarchy, federation, form of state, extractive.

For citation: Kasimov T.S. Historical Forms of the State and Their Correlation with Inclusive and Extractive Institutions. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 3, pp. 44–60 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.19.5.

Форма государства является важнейшей характеристикой, средством описания и классификации государств. При этом такой элемент формы государства, как политический режим, больше всего показывает сущность государства, являясь описанием методов взаимодействия государственной власти с населением. Однако первые два элемента формы государства – форма правления и форма государственного (территориального) устройства – также важны для понимания государства как важнейшего института общества. Тем более что формы правления и государственного устройства имеют больше формальных проявлений (прежде всего, в конституциях и иных законах, а также в исторических документах) и лучше познаются, чем политические режимы.

В современных условиях в России возродился интерес к империи как форме государственного устройства. По этой причине, рассматривая формы государства, уделим немалое внимание империям. Это притом что в настоящее время ни одно государство не провозглашает себя империей, а формальными ее признаками (монархия с множеством разнородных завоеванных территорий) сейчас обладает только Великобритания.

Причина развития государства путем экспансии или территориального расширения, в том числе создания империй, заключается в стремлении правителей к постоянному обогащению, для которого необходимо было расширять ресурсную базу своего государства путем принудительного включения в его состав новых территорий с их податным населением и иными источниками производства благ (землей, драгоценными металлами, пушниной, сырьем). Популярный в настоящее время американский экономист Д. Аджемоглу и его соавтор Д. Робинсон оперируют понятием «экстрактивные институты» для обозначения системы, направленной на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части [1, с. 108]. Данные авторы делят политические и экономические институты на две группы: инклюзивные и экстрактивные. Если в институциональной среде преобладают экстрактивные институты, значит обществу, развивающемуся в ней, присущ экстенсивный тип экономического роста, и напротив, развитие инклюзивных институтов определяет интенсивный тип экономического роста, ибо они дают доступ к участию в экономической и политической деятельности различных слоев общества. Инклюзивные институты нацелены на защиту частной собственности, создают основу для развития инноваций, образования, что обеспечивает долгосрочный рост благосостояния [2, с. 34].

Теория экстрактивных и инклюзивных институтов еще не получила должного развития в российской науке, но имеет потенциал как альтернатива марксистским учениям об эксплуатации и общественно-экономических формациях. Согласно марксизму каждая новая формация прогрессивнее предыдущей за счет использования более эффективных производственных отношений, уменьшения эксплуатации и улучшения положения трудящихся. Так и инклюзивные институты предполагают эффективное использование результатов трудовой и иной деятельности человека во благо как можно большего числа людей в данном обществе. При демократии и свободных выборах люди обычно голосуют за тех политиков, которые смогут обеспечить им желаемое качество жизни.

Важный фактор исторического развития – войны, используемые как средство расширения экстрактивной эксплуатации и ключевое условие построения империй. Новое понимание войн предложил Ф. Боббит – американ-

ский ученый, специалист в области теории и истории государства и права и конституционного права. В своем труде «Щит Ахилла. Война, мир и ход истории» он описывает умение вести войны как важнейший фактор, влияющий на развитие государств и их взаимоотношений в разных исторических ситуациях. Он описывает также и сложность имперского устройства. Для этого Боббит приводит пример Габсбургской империи после Вестфальского мира 1648 г., говоря, что мирный договор устранил гегемонию Габсбургов в Германии и интересы империи стали формироваться из интересов курфюрстов, князей и свободных городов, представленных в рейхстаге [3, с. 216].

Как бы в развитие идей Ф. Боббита автор крупных междисциплинарных исследований Д. Даймонд в своей работе «Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ» определяет империи как крупные полиэтнические образования, сформированные в ходе завоевания других государств. Он объясняет причину и способ образования империй следующим образом: поскольку чаще всего в завоеванных регионах практикуется интенсивное производство продовольствия, способное генерировать достаточно много излишков, завоеватели оставляют побежденных жить на своей земле (в то время как раньше часто угоняли в рабство), но лишают их политической автономии, принуждают к уплате регулярной дани продовольствием или другими товарами и включают их общество в свое государство. Д. Даймонд видит корни ранних империй в цепочке: от возникновения производства продовольствия к успешным завоеваниям. Умение правителей отдельных государств использовать излишки продовольствия плюс (в некоторых регионах) использование животных для транспортировки этих излишков стали предпосылкой развития оседлых, политически централизованных, социально дифференцированных, экономически сложных, технологически передовых обществ. Все это возникло в Евразии и объясняет, почему империи, письменность и стальное оружие ранее всего возникли в Евразии и лишь позднее (или никогда) – на других континентах [4, с. 134, 151].

Наиболее ранней исторической формой государства принято считать номы – маленькие государственные образования со столицей в небольшом городе-государстве на Древнем Востоке, а также полисы – их аналоги в Древней Греции. Со временем объединение номов привело к образованию первых относительно крупных государств, таких как Древний Египет периода Раннего царства или Шумер в Месопотамии.

Исторически обусловленными формами государства на Древнем Востоке стали монархии, часть из которых (например, Египет и Ассирия) вели активную политику по расширению своих территорий путем завоеваний. Первой империей в классическом понимании принято считать Персию начиная с правления царя Кира Великого. Знаменательными историческими со-

бытиями были греко-персидские войны (500–449 гг. до н. э.). Битвы при Марфоне, Фермопилах, Саламине и Платеях показали силу греков в борьбе с численно превосходящими их персами. Это позволило историкам говорить не только о преимуществе воинов – граждан демократических греческих государств, но и о большей эффективности демократической рабовладельческой (в частности, Афин) либо аристократической республики (Спарта) по сравнению с восточной деспотией, которой являлась Персидская империя. Свободный греческий мужчина был человеком в трех социальных ипостасях: собственник – гражданин – воин. Он реализовывал свои возможности в важных для того времени сферах, что свойственно инклюзивным институтам, и осознавал, что защищает и свою семью, и свою землю, и свое государство.

Древнегреческие государства вовлекали в различные политические процедуры граждан, что повышало управленческую эффективность, в том числе в военном деле, позволяя в числе прочего выдвигать на высшие командные должности наиболее способных граждан: Мильтиада, Фемистокла, Павсания, Аристида. Восточные деспотии же отличались полным политическим бесправием жителей, никак не участвовавших в управлении своими делами, и системой назначения исключительно сверху по критериям знатности или личной преданности правителю. Аристократическая монархия, существовавшая в Македонии и ряде возникших раньше государств Древней Греции, также продемонстрировала эффективность в государственном управлении и военном деле.

Что касается имперской территориальной экспансии, то она, как показала история Древнего мира, не имеет предела до появления военного отпора от других государств. В случае Персии завоевание было остановлено объединившимися в борьбе с ней армиями полисов Древней Греции. Армия Александра Македонского была истощена войной с персами и не смогла завоевать Индию, а созданная им империя после его смерти, не имея авторитетного правителя, распалась на три части, явив собой пример самой краткосрочной империи в истории, просуществовав чуть более 30 лет. При этом две из трех частей, на которые она распалась (государства Селевкидов и Птолемеев) просуществовали более 200 лет каждое до их завоевания Римом, что говорит об упомянутой эффективности аристократической монархии. Это притом что Селевкиды и Птолемеи были чужеродными для управляемых ими многочисленных народов династиями.

Пример древнеримского государства показывает, что понятие «империя» используется весьма условно. Расширение границ Рима за пределами Аппенинского полуострова началось в период республики – с середины III в. до н. э., а первым формальным императором Октавиан Август стал только в

27 г. до н. э. Инклюзивные институты античной греко-римской цивилизации проявились не только в передовом для эпохи Древнего мира устройстве государства, но и в высоком развитии искусства, ставшим возможным благодаря предоставлению творческой свободы гражданам, чего не было на Древнем Востоке с его деспотиями. Древний Рим известен как страна классического рабства, которое представляется как сугубо экстрактивный институт. Однако уже в поздней Римской империи зародился колонат – более передовая форма эксплуатации и предпосылка будущих феодальных отношений.

После падения Западной Римской империи Византийская империя продолжала существовать почти тысячу лет, постепенно утрачивая, однако, свои владения. Тем не менее она внесла заметный вклад как место зарождения православной христианской религии и культуры, оказавшей большое влияние на историю России и ряда других стран.

Арабский халифат просуществовал как единая крупная империя относительно недолго. Однако имперские завоевания арабов породили исламскую цивилизацию, о современных масштабах которой говорит число мусульман в мире – 1,8 миллиардов человек, и тот факт, что в объединяющую мусульманские страны Организацию исламского сотрудничества входит 57 государств.

Народы, проживавшие на Евразийском пространстве на территориях постсоветских стран, также оказались под властью государств с имперской формой устройства. Первой крупной евразийской империей с начала XIII в. стала империя Чингисхана. Историки спорят о формах и степени зависимости русских земель от Золотой Орды как ее части, но многие ученые соглашались с тем, что важные аспекты ее государственности оказали влияние на Русь. Однако и по этому вопросу есть очень интересное мнение С.А. Нефедова, согласно которому заимствования Руси у Золотой Орды учеными преувеличены, а гораздо большее воздействие на Русское государство оказали его заимствования у Османской империи [5, с. 756–765]. Надо отметить и известный факт, вновь показывающий, что не все империи именовались таковыми. Формально Российская империя была провозглашена Петром I в 1721 г. Однако имперская экспансия русского государства вышла за пределы русских земель еще при Иване Грозном, присоединившем к своему государству населенные в основном тюркскими и финно-угорскими народами территории Казанского и Астраханского ханств.

С завоевания Америки европейцами в конце XV в. начался и продолжился до середины XX в. период расцвета колониальных империй, ставивших целью эксплуатацию своих отдаленных заморских владений. Антиколониальное движение началось с борьбы за независимость жителей колоний Великобритании в Северной Америке. Кстати, показательно, что колонии,

бывшие самостоятельные государства (states переводится на русский язык и как «государства», и как «штаты»), создали сначала конфедерацию, а потом федерацию – США. Впоследствии освобождающиеся от метрополий страны редко становились федерациями. Примеры такого явления – Великая Колумбия (1819–1831) в Южной Америке, Соединенные Провинции Центральной Америки (1823–1838), Швейцария (с 1848 г. по настоящее время), Индонезия (1949–1950), несколько государств Африки середины XX в.

Европа XIX в. характеризуется формированием наций. В результате независимость от Османской империи приобрели болгары, греки, румыны, сербы, черногорцы. Позже, после Первой мировой войны, появление наций привело к образованию национальных государств у венгров, поляков, чехов и словаков, народов Югославии, финнов. После распада СССР, являвшегося не по формальному государственному устройству (которым была национальная федерация), но по составу продолжением Российской империи, образовались 15 признанных и несколько непризнанных или позже частично признанных государств. Три десятилетия после Второй мировой войны шел процесс образования национальных государств народов, населявших Азию, Африку, Латинскую Америку.

В процессе появления постколониальных государств прослеживается соотношение формы и сущности государства. Большинство колоний Испании и Португалии обрели независимость к концу первой четверти XIX в. Форму правления они заимствовали у США и стали президентскими республиками: с президентом, непосредственно руководящим правительством, отсутствием премьер-министра, но наличием вице-президента. По сей день почти все государства Латинской Америки – президентские республики. Более того, самые крупные из них – Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика, – как и ранее США, стали территориальными федерациями. Однако США (как и Канада) пошли по пути развития инклюзивных институтов: свободы предпринимательства и политических прав и свобод, включающих права человека, свободу слова, верховенство права и независимый суд, и с середины XX в. пришли к появлению социального государства. Страны Латинской Америки пошли другим путем: эксплуатации меньшинством населения и стоящим на защите его интересов государством большинства населения через экстрактивные институты. По сути, новые элиты продолжили дело своих предков-колонизаторов по извлечению прибыли из труда коренного населения – индейцев. Индейские правители ацтеков, майя, инков занимались тем же самым в отношении своих подданных до прихода европейских завоевателей-колонизаторов. Д. Даймонд пишет, что испанские конкистадоры, хотевшие обложить данью покоренные народы Мексики, знали, что ацтеки ежегодно взимали со своих подданных тысячи тонн разного зерна и 2 миллиона наки-

док и продолжили заниматься подобным в качестве новых эксплуататоров [4, с. 460], хотя главным ресурсом европейские колонизаторы Америки считали золото, серебро и труд индейцев, а позже – рабов из Африки. Аджемоглу и Робинсон делают вывод, что в Латинской Америке правовая система в основном использовалась для того, чтобы поддерживать дискриминацию коренного населения [1, с. 108].

В работе современного российского экономиста А.А. Мовчана «Проклятие экономики» анализируется экономика 37 стран и делается такой же вывод: использование государством только экстрактивных институтов, основанных на эксплуатации природных ресурсов, может привести к процветанию на короткое время. Однако затем происходит обвал экономики. Мовчан рассмотрел, помимо прочих, страны Латинской Америки: Аргентину, Венесуэлу, Перу. Так, Аргентина в начале XX в. была в числе богатейших стран мира за счет животноводства, но без индустриализации и демократии положение ее экономики серьезно ухудшилось. Подобное случилось с Венесуэлой. Нефть сделала ее самой благополучной страной Латинской Америки к началу 1970-х годов, но к концу того же десятилетия неразумные меры правительства привели страну к кризису, который продолжается до сих пор [6, с. 87–98, 143–165, 181–197]. Подобные явления, вызывающие подъем, а потом падение экономики, называются ресурсным проклятием и показаны в книге А. Мовчана на примере стран иных материков, а не только Америки.

После исторического обзора рассмотрим, что представляет собой империя с точки зрения теории государства и права. В классическом значении этого понятия империей признается форма государственного устройства, имеющая два главных признака: 1) монархическую форму правления; 2) множество народов или стран, присоединенных, как правило, принудительно [7, с. 100; 8, с. 107]. Одно из первых в России определений империи дал в 1809 г. М.М. Сперанский в Проекте Уложения государственных законов Российской Империи: «Российская Империя есть государство нераздельное, монархическое, управляемое державною властью по законам государственным» [9, с. 151]. В этой дефиниции содержится понятие империи, но нет указания на множественность народов, территорий, входящих в состав империи. Однако многие авторы не включают монархическую форму правления в число признаков империи [10, с. 96; 11, с. 228]. Особенно часто немонархическими империями, империями без императора называли и называют США, СССР и современную Россию.

В качестве примеров подхода современных ученых-юристов к империи отметим идеи доктора юридических наук, видного в недавнем прошлом политика С.Н. Бабурина. Он, полагая, что движение общества в сторону консерватизма – залог успешности русского прорыва в будущее, считает, что на-

личие наследственной или выборной монархии признаком империи не является, но может быть ее атрибутом. Империя – это пассионарное воплощение в государственно-правовой форме конкретно-исторической сущности государства [12, с. 25].

Доктор юридических наук, профессор А.В. Корнев обосновывает понимание империи нового, современного типа и описывает четыре империи как конкурирующие глобальные проекты: американский, исламский, китайский и европейский [13, с. 447–464].

Современные российские ученые-правоведы С.В. Кодан и С.А. Февралев понимают империю как сложную форму организации государственной власти и правового регулирования, которая сложилась как следствие территориальной экспансии государства-метрополии и связана с объединением в рамках одного государственного образования различных народов на основе подданства, выделением имперского центра, представленного единой системой государственной власти в лице ее верховного носителя с титулом императора, и в целом централизованного государственного управления и законодательства с учетом и опорой на государственно-правовые традиции и опыт развития национальных регионов [9, с. 151].

Сторонниками тех или иных имперских идей среди ученых, имеющих ученую степень, являются В.В. Аверьянов (автор теории «державности» или «империи русского типа»), А.А. Баков, И.С. Валитов, Д.А. Ванюков, А.Г. Дугин (основной идеолог евразийства в нынешней России), И.И. Кузнецов, А.Н. Савельев (Кольев), М.Б. Смолин и др. Кроме них можно назвать таких известных современных авторов, как М. Калашников, В. Коровин (автор концепции «империя справедливости как высшая русская цель»), И.И. Охлобыстин, А.А. Проханов, М.З. Юрьев и др.

Названные авторы в основном являются представителями российского консервативного, а некоторые – и националистического направления общественной мысли, черты которых мы описали в наших работах [14; 15]. Их новые имперские концепции стали частью идеологии российского государства, консервативный вектор которой стал прослеживаться в 2000-е и 2010-е годы, когда многие политические и социальные аспекты жизни общества стали не только объектом пропаганды, но и предметом правового регулирования на основе консервативных, охранительных идей [16].

Наряду с консерваторами, однако, новое понимание империи можно увидеть, например, у либерала А.А. Мовчана. Он видит империю в современной России в том, что в Москве уровень жизни намного выше, чем в остальной России, «благодаря особенностям политико-экономической структуры страны и ее бюджетному устройству она играет роль метрополии, окруженной огромной сырьевой колонией – Россией». В то же время Мовчан преду-

преждает, что попытка возрождения Российской империи (по-видимому, понимаемой автором уже в традиционном смысле и в ее исторических границах) обречена на провал и продолжение развала страны. С другой стороны, Мовчан пишет о наличии современных фактических империй (крупнейших государств или сверхдержав). Более того, он полагает, что империи действительно были (и остаются) «высшими» формами государств, они обладают значительно бóльшим ресурсом и имеют возможность вести экспансионистскую политику [17, с. 26, 309, 410].

В чем-то похожие суждения есть и ученых на Западе, в частности у известного британского теоретика государства Б. Джессопа. Он упоминает, ссылаясь на ряд западных авторов, «современные империалистически-колониалистские блоки и колонии» и допускает «возвращение империи в качестве организующего принципа». Джессоп называет Европейский союз постсуверенной формой власти «вестфальского» супергосударства или империи нового типа. В дополнение к этому Джессоп упоминает, что, по мнению Хардта и Негри, мир суверенных территориальных государств сменяется единственной, нетерриториальной, сетевой Империей, функционирующей в глобальном масштабе [18, с. 99, 307]. Здесь скажем, что Джессоп и цитируемые им Хардт и Негри очень далеко отошли от принятого понимания империи как единого государства, коим ни Евросоюз, ни тем более мировое сообщество не являются. Он сейчас ближе к конфедерации, которая имеет некоторые признаки федерации.

Империя, особенно в ее узком, классическом понимании – архаичная форма государственного устройства. Во многих концепциях империи говорится о наличии в ней территориальных единиц с разным статусом, в том числе широкой автономией. Это подтверждается историческим опытом империй прошлого. Однако непонятно, зачем развивать теории империи, когда есть теории федерализма, изучающие федерацию как имманентно договорную форму государственно-территориального устройства, предполагающую согласование интересов федерального центра и субъектов федерации, по крайней мере по главным вопросам жизни государства?

Проблемы современных наций и государства должны решаться с помощью федерализма. В развитии современного федерализма выделяется несколько тенденций, в числе которых: увеличение числа федеративных государств, прекращение преобразований федераций в унитарные государства, использование асимметричности для ускорения развития субъектов федерации и более точного учета потенциалов и интересов регионов, зависимость централизации федерации от степени демократичности государства и от степени экономического развития и экономической стабильности государства и общества [19, с. 54]. Расширение использования федеративной

формы государственного устройства происходило прежде за счет увеличения числа федеративных государств. Новые федерации, появившиеся в последние тридцать лет, – Бельгия, Босния, Ирак, Непал, Судан, Южный Судан, Эфиопия. Кроме того, некоторые унитарные государства приобретают все больше черт федерации. Это такие регионалистские государства, имеющие в своем составе национальные автономии с широким набором полномочий, как Великобритания и Испания. Как связаны инклюзивные институты и федерализм? Федерализм позволяет представителям национальных меньшинств использовать возможности для разного рода деятельности и творчества. В то же время, как пишет Д.О. Сиваков, «инклюзивные институты разрешают и, более того, стимулируют участие больших групп населения в ... активности, а это позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки» [20, с. 75].

Р. Уоттс, крупнейший канадский специалист по федерализму, отмечал, что в мире образуется среда, способствующая распространению федеративных принципов. Для нее свойственны следующие черты, по сути, отражающие инклюзивные институты: 1) доминирование договорных отношений; 2) признание рыночной экономики с децентрализованным характером; 3) самоуправление, развитие кооперации и конкуренции, диверсификация рынков, повышение мобильности населения, защита прав потребителей; 4) признание права людей на отличия друг от друга, не мешающего при этом их взаимодействию [19, с. 55].

Третий элемент формы государства – политический режим. История ясно показывает, что авторитарные и тоталитарные режимы редко приводят управляемые ими народы к процветанию. Даже советская пропаганда разделяла западные демократии (США, Великобританию, Францию и ряд других стран) и правые авторитарные режимы Европы, часто называемые фашистскими диктатурами (Италию при Муссолини, Германию при Гитлере, Португалию при Салазаре, Испанию при Франко, страны Восточной Европы). При негативном отношении к тем и другим как буржуазным государствам недемократические режимы критиковались в большей степени и воспринимались как явные враги Советского государства и существовавших в них самих левых сил. Имена правителей государств Центральной и Южной Америки (Сомосы, Стресснера, Пиночета, Дювалье и ряда других) были хорошо известны жителям СССР, поскольку их постоянно обличали в советских СМИ как жестоких диктаторов. Даже изначально нейтральное слово «хунта» приобрело негативный смысл, обозначая режим военной диктатуры, которая стала видом авторитарного политического режима государств Латинской Америки. В конце XX – начале XXI в. они в основном перешли к демократии. Наиболее развитые из них – Аргентина, Уругвай, Чили – достигли благоден-

ствия, по меркам своего континента, уже при демократическом режиме. Кстати, одним из популярных сейчас в научной среде критериев отнесения государства к демократии является смена власти дважды после правления авторитарного лидера. Например, в Ботсване, южноафриканской стране, с 1966 г. установилась президентская республика (свойственная в настоящее время для подавляющего большинства государств не только Латинской Америки, но и Африки). Выборы проводятся регулярно с 1980 г., и сейчас у власти пятый по счету президент. В результате демократический режим плюс природные ресурсы (без которых процветание в современной Африке невозможно) сделали Ботсвану одной из самых благополучных стран Африки. Летом 2022 г. в Нигере к власти пришли военные, как ранее в Мали, Гвинеи и Буркина-Фасо. Эти страны, как и вся Центральная Африка, известны как место сосредоточения самых отсталых стран нашего времени, ибо авторитарные режимы в виде военной диктатуры редко приводят к благоденствию граждан. Богатая газом Ливия времен правления полковника М. Каддафи – редкое исключение.

Некоторые авторы пытаются доказать эффективность авторитарных режимов. Так, доктор политических наук Р.Ф. Латыпов в своей статье сравнивает некоторые современные государства по двум видам рейтингов: 1) индексу качества жизни в 2021 г. и индексу паритета покупательной способности (ППС); 2) индексу развития демократии. Первые показатели высоки в таких авторитарных государствах с невысоким индексом демократии, как Оман, Катар, Саудовская Аравия, Сингапур. Р.Ф. Латыпов делает выводы, что маркер демократии в отдельных случаях коррелирует с маркером высокого качества жизни, а в отдельных случаях не коррелирует, а модель политического режима не оказывает прямого влияния на социально-экономическую эффективность государства. Он также называет 7 факторов качества жизни, среди которых на последнем, седьмом, месте «наличие благоприятных природно-климатических ресурсов для развития экономики». Однако как раз Оман, Катар и Саудовская Аравия (как Кувейт и ОАЭ) отличаются самыми большими в мире объемами добычи нефти и (или) газа на душу населения, дешевизной их добычи и транспортировки для продажи. Демократическая Норвегия также получает большие доходы на душу населения от продажи нефти и газа, но она заметно превосходит названные страны Персидского залива почти по всем индексам, а особенно по развитию науки, культуры и спорта. И по наиболее важному индексу – индексу человеческого развития – на первых местах мы видим прежде всего западные и восточные (Израиль, Южная Корея, Япония) демократические государства. К тому же в Норвегии, как и в других демократиях Европы с их экстрактивными институтами, высокий уровень жизни поддерживается у всех слоев населения. Наоборот, Ка-

тар, Кувейт и ОАЭ известны тем, что большую долю населения в них составляют трудовые и иные мигранты, чей уровень жизни гораздо ниже, чем у граждан этих государств. Из названных государств только Сингапур не имеет сырьевых ресурсов, но отличается высоким уровнем жизни при сохранении авторитарного правления Ли Куань Ю и его сына Ли Сянь Луна. Однако Сингапур – это, по сути, большой город-государство, без традиционно бедного сельского населения, зато компактный для удобства транспорта и иных коммуникаций, с огромным морским портом и благоприятным климатом. К тому же Сингапур эффективно задействовал экстрактивные политические институты: независимый суд, высокие требования к государственным служащим, борьбу с коррупцией.

В качестве других факторов, влияющих на качество жизни граждан и экономическую эффективность государства, Р.Ф. Латыпов называет патриотизм, трудовую этику, культуру контракта, промышленное воспитание гражданской нации, корпоративную честность национального бюрократического аппарата и силовых структур, высокий уровень самоорганизации общества на принципах гражданской солидарности и ответственности [21, с. 146]. Однако хорошо известны примеры, когда одна нация была разделена на государства с демократическим авторитарным режимом: ФРГ и нацистская Германия и ГДР в прошлом, а в настоящем – Южная Корея и КНДР, Тайвань и КНР. Не только уровень жизни, но и другие названные нами факторы были сильнее развиты, как правило, в демократических государствах, как ранее у немцев, так и сейчас у корейцев и китайцев. Если серьезные проблемы КНДР во всех сферах жизни давно и хорошо известны, то экономические и социальные проблемы КНР стали проявляться недавно, а они весьма серьезны: замедление роста ВВП, старение населения, высокая безработица среди образованной молодежи, недовольство народа социальным рейтингом.

Внедрение инклюзивных институтов способно улучшить жизнь людей, но оно должно быть усвоено обществом, а не скопировано механически извне. Как обоснованно отмечает Ф. Фукуяма, «чтобы добиться успеха, нужно учитывать местные обычаи и традиции: законодательства, "импортированные" из-за рубежа, обыкновенно не получают признания, потому что пренебрегают локальными ценностями. Институты часто дополняют друг друга: нельзя построить металлургический завод в стране, где нет рынка для сбыта стали, нет резерва компетентных менеджеров и работников, нет инфраструктуры для вывоза товара на рынки и где никакой закон не защищает прав инвесторов» [22, с. 361–362].

Вопреки мнению отдельных экспертов, перспективы усвоения инклюзивных институтов в России можно оценить как благоприятные. Народу России идеи монархии, империи, авторитаризма не близки. Об этом можно су-

дить, в частности, по результатам 53-го этапа социологического мониторинга, который провел Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. В нем в таблице «Распределение мнений респондентов о понятиях, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России» показано следующее. Понятие «Российская империя» назвали лишь 5 %, а «самодержавие» – и того меньше – 2 %. На первых пяти местах у россиян такие понятия-ценности, как справедливость, мир, порядок, права, человека, закон¹. Все соцопросы постсоветского периода также отражали низкую популярность монархии и империи среди россиян. Вот что показал телефонный опрос «ТелеФОМ» 13–14 апреля 2013 г. (1000 респондентов). На вопрос «Монархия – это форма правления, при которой власть главы государства пожизненна и, как правило, передается по наследству. Вы бы хотели или не хотели, чтобы в России в том или ином виде была монархия?» ответили «хотел(-а) бы» 15 % опрошенных². Условием успеха развития инклюзивных политических институтов в России является осознание большинством населения идеи, что экономическое благополучие (пожалуй, главная ценность большинства современных людей), а с ним и упомянутые справедливость, мир, порядок, права человека, закон приходят при демократии, федерализме и правовом государстве.

Список источников

1. Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Д. Робинсон. – Москва : АСТ, 2021. – 672 с.
2. Шестакович А.Г. Роль экстрактивных и инклюзивных институтов в развитии инновационного общества / А.Г. Шестакович // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2020. – № 4 (34). – С. 32–39.
3. Боббитт Ф. Щит Ахилла. Война, мир и ход истории / Ф. Боббитт. – Москва : Индивидуум, 2021. – Т. 1. – 608 с.
4. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / Д. Даймонд. – Москва : АСТ, 2021. – 768 с.

---

¹ Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года : [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова и др. ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с.

² Нужна ли нам монархия? Чем хороша и чем плоха монархия? И по душе ли россиянам такая форма правления? [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11002> (дата обращения: 06.09.2023).

5. Нефедов С.А. К вопросу о цивилизационном влиянии Золотой Орды и Османской империи на русские княжества / С.А. Нефедов // Золотоордынское обозрение. – 2020. –Т. 8, № 4. – С. 753–770.
6. Мовчан А.А. Проклятие экономики / А.А. Мовчан, А.О. Митров. – Москва : АСТ, 2020. – 464 с.
7. Кулапов В.Л. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.Л. Кулапов. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 426 с.
8. Чашин А.Н. Теория государства и права : учебник / А.Н. Чашин. – Москва : Дело и Сервис, 2008. – 510 с.
9. Правогенез: традиция, воля, закон / под ред. Р.А. Ромашова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 480 с.
10. Рассолов М.М. Проблемы теории права и государства : учебное пособие / М.М. Рассолов. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 431 с.
11. Комаров С.А. Теория государства и права / С.А. Комаров, А.В. Малько. – Москва : Норма, 2003. – 448 с.
12. Бабурин С.Н. Новая русская империя / С.Н. Бабурин. – Москва : Алгоритм, 2013. – 240 с.
13. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2013. – 591 с.
14. Касимов Т.С. Консервативные концепции будущего государства / Т.С. Касимов // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4 (38). – С. 18–22.
15. Касимов Т.С. Концепции будущего государства современных русских националистов / Т.С. Касимов // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4 (34). – С. 44–49.
16. Касимов Т.С. К вопросу о государственной идеологии в современной России / Т.С. Касимов, И.И. Исхаков, П.А. Асылбаева // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 76–78.
17. Мовчан А.А. Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума / А.А. Мовчан. – Москва : Альпина Паблшер, 2019. – 598 с.
18. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Б. Джессоп ; науч. ред. Д. Карасев. – Москва : Дело : РАНХиГС, 2019. – 504 с.
19. Касимов Т.С. Тенденции современного развития и концепции будущего федерализма / Т.С. Касимов // Вопросы политологии. – 2011. – № 2 (2). – С. 53–68.

20. Сиваков Д.О. Аграрная реформа в азиатских странах в свете инклюзивных общественных институтов / Д.О. Сиваков // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 3 (195). – С. 74–79.

21. Латыпов Р.Ф. «Фактор демократии» и «богатство народов»: влияет ли политический режим на качество жизни? / Р.Ф. Латыпов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2021. – № 5 (161). – С. 143–147.

22. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ, 2017. – 704 с.

References

1. Acemoglu D., Robinson D. Why Are Some Countries Rich and Others Poor. The Origin of Power, Prosperity and Poverty. Moscow, AST Publ., 2021. 672 p.

2. Shestakovich A.G. Role of Extractive and Inclusive Institutions in the Development of an Innovative Society. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika = Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series: Economy*, 2020, no. 4 (34), pp. 32–39. (In Russian).

3. Bobbitt F. The Shield of Achilles. War, Peace and the Course of History / F. Bobbitt. Moscow, Individuum Publ., 2021. Vol. 1. 608 p.

4. Diamond J. Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies. Moscow, AST Publ., 2021. 768 p.

5. Nefedov S.A. On the Question of the Civilizational Influence of the Golden Horde and Ottoman Empire on the Russian Principalities. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 753–770. (In Russian).

6. Movchan A.A., Mitrov A.O. Damn Economies. Moscow, AST Publ., 2020. 464 p.

7. Kulapov V.L. Problems of the Theory of State and Law. Saratov State Academy of Law Publ., 2005. 426 p.

8. Chashin A.N. Theory of State and Law. Moscow, Delo i Servis Publ., 2008. 510 p.

9. Romashov R.A. (ed.). Legal Genesis: Tradition, Will, Law. Saint Petersburg, Aletheia, 2021. 480 p.

10. Rassolov M.M. Problems of the Theory of State and Law. Moscow, YU-NITI-DANA: Zakon i pravo Publ., 2007. 431 p.

11. Komarov S.A., Malko A.V. Theory of State and Law. Moscow, Norma Publ., 2003. 448 p.

12. Baburin S.N. New Russian Empire. Moscow, Algoritm Publ., 2013. 240 p.

13. Lazarev V.V. (ed.). General Theory of State and Law. 5th ed. Moscow, Norma Publ., 2013. 591 p.

14. Kasimov T.S. Conservative Conceptions of the Future State in Present-Day Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2014, no. 4 (38), pp. 18–22. (In Russian).

15. Kasimov T.S. Contemporary Russian Nationalist Conceptions of the Future State. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2013, no. 4 (34), pp. 44–49. (In Russian).

16. Kasimov T.S., Iskhakov I.I., Asylbaeva P.A. On the Issue of State Ideology in Modern Russia. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2022, no. 6 (169), pp. 76–78. (In Russian).

17. Movchan A.A. Russia in the Era of Post-Truth: Common Sense Against Information Noise. – Moscow, Alpina Publisher, 2019. 598 p.

18. Jessop B.; Karasev D. (ed.). The State: Past, Present and Future. – Moscow, Delo Publ., Presidential Academy Publ., 2019. 504 p.

19. Kasimov T.S. Trends in Contemporary Developments and Concept of Future Federalism. *Voprosy politologii = Political Science Issues*, 2011, no. 2 (2), pp. 53–68. (In Russian).

20. Sivakov D.O. Agrarian Reform in Asian Countries in the Light of Inclusive Public Institutions. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2021, no. 3 (195), pp. 74–79. (In Russian).

21. Latypov R.F. «Factor of Democracy» and «Wealth of Nations»: Does the Political Regime Affect the Quality of Life? *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal = Economics and Management: Research and Practice Journal*, 2021, no. 5 (161), pp. 143–147. (In Russian).

22. Fukuyama F. The End of History. Moscow, AST Publ., 2017. 704 p.

Информация об авторе

Касимов Тимур Салаватович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
государства и права Института
права

Information about the Author

Kasimov Timur Salavatovich –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Theory of
State and Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 11.09.2023.